

Письма к Юлии Николаевне Рейтлингер (1922–1943)

Публикуемые ниже письма, написанные о. Сергием Булгаковым к Юлии Николаевне Рейтлингер между 1922 и 1943 гг., были пересланы нам самим адресатом в начале 80-х годов, окольными путями, из Ташкента — через Москву — в Париж, на имя Ирины Владимировны Оболенской-Зандрок (см. ее крымские воспоминания в № 181 Вестника), в виде листков, переписанных, вероятно, рукой сестры Ю. Н., Екатерины Кист. Сопровождающая записочка объясняла, что «для конспирации» первое «всунутое» письмо о. Сергия адресовано Мариэтте Шагинян (датированное 1909 г., оно было в 1973 г. целиком напечатано в 6-м номере «Нового мира», но переписана была только его часть). Мы приводим этот отрывок как своеобразный документ эпохи — как 10-х годов, так и необходимой конспирации в 80-х годах.

Первое письмо к Юлии Николаевне было написано о. Сергием из Симферополя в Прагу, где на первом этапе эмиграции устроилась Юлия Николаевна с сестрой и отцом. С 1925 года Ю. Н. Рейтлингер (с сер. 30-х гг. — сестра Иоанна) постоянно проживала на Сергиевском Подворье при семье о. Сергия, и его письма к ней связаны с отъездами на конференции, либо разъездами самой с. Иоанны для росписи храмов по разным городам Европы. В 1946 г., намереваясь вернуться на родину, она переехала в Прагу, но только в 1955 г. ей и сестре с семьей был разрешен въезд в Россию, с обязательным поселением в Ташкенте.

Местонахождение оригиналов писем нам неизвестно, возможно, они находятся в архиве о. Александра Меня.

Н. С.

Из письма Мариэтте Шагинян*

28.06.1909

...Впрочем, все это Вы и сами знаете, и я чувствую, что начинаю говорить прописями и апологией. Между тем важно в религиозной жизни не рассуждать, а найти в себе и носить этот

* *Шагинян Мариэтта Сергеевна* (1888–1982) — русская советская писательница, автор романов («Своя судьба», 1918–1923), стихов («Orientalia», 1933) статей о литературе («Литературный дневник», 1923), биографических книг о Гете, Крылове, Шевченко, и пьес («Семья Ульяновых», 1970) и очерков («Четыре урока у Ленина», 1964–1968).

родник гармонии, легкости, светлости... Если бы мне это дано было с такой красотой, как Вам, или по своему или иному М. Алчу, то, вероятно, и раньше я мог бы оказать Вам более реальную поддержку, но и во мне этого нет или бывает только моментами. Поэтому противоречия в душе Вашей я чувствую и понимаю, мне кажется, правильно, но потому, что некоторые из них не лично, а общего характера, ношу в себе, вынашиваю и не знаю, как выношу. Но знаю одно, не верхним, поверхностным слоем души (тем, где интеллект, научность, «новое религиозное сознание» и проч.), но самым глубоким, незбылемым и недоступным для зыби, тем, где лежит уже изначальная детскость души моей, как она вышла от Бога, что Церковь в ней — это абсолютная и неподвижная точка и вне ее и помимо нее нет пути ко Христу. ТАК это со мною. Это не догматика и не миссионерство, а опыт, и, кажется мне, эту точку я буду ощущать и на нее опираться в страшный час смерти — рождения... Когда я начал писать, я не думал, что заговорю об этом, но раз вылилось, пусть останется, иначе у меня будет чувство, что я не сказал Вам чего-то важного и нужного, что должен был сказать. А во втором и вышних этажах и наука, и милая суета жизни, и ее пестрый водоворот.

Прощайте пока, дорогая Мариэтта Сергеевна! Пронеси Бог эту душевную бурю и возврати Вам прежний свет, ясность и радость, даже хотя бы не скоро! Я же очень крепко на это надеюсь.

Я вообще плохо, лениво и коротко пишу письма, но Вы все-таки не считайтесь, и время от времени оповещайте о себе.

Сердечно Ваш С. Булгаков

+

Б. д. (предп. — осень 1922)

Симферополь

...Ваше письмо, писанное около года тому назад*, дошло-таки до меня, хотя и с опозданием, но в нем не было адреса, теперь я его узнал и отвечаю. Все-таки хорошо, что Вы уехали согласно воле мамы (вспоминаю о ней с благодарностью и умилением)** и теперь учитесь.

* «Пишу отчаянное письмо о. Сергию» — зачем я уехала? Через год каким-то чудом получила от него ответ — поддерживает» // С. Иоанна Рейтлингер. Автобиография // ВРХД. № 159, 1990. С. 93. Письмо написано, вероятно, еще из Варшавы в конце 1921 г.

** Юлия Николаевна с сестрой Екатериной покинула Россию, «памятуя мамينو завещание: уехать во что бы то ни стало». Лидия Николаевна Гонцецкая была в большой дружбе с о. Сергием, «он очень ее полюбил и почитал» (ВРХД. № 159. С. 92). В 1920 г. она умерла в Крыму от сыпного тифа.

Мне трудно представить тамошнюю жизнь из здешнего умирания — все таки верится: не к смерти, но к славе Божией. Однако я все большее и большее значение в возрождении России отвожу той русской молодежи, которая там теперь учится для России, — у нас ведь страдания есть единственная школа. Я знаю, что к этой-то науке и школе Вы и стремитесь, и точно, не надо бояться и бежать, если Бог судил, но если не судил, как Вам, то надо благодарить Его милость, как надо благодарить за спасение от чумы или холеры. То, что мы переживаем, настолько значительно и трудно, что только один Бог знает, куда, зачем и как, — не мы. И это неведение в сгустившейся тьме — и все сгущающейся, и притом непрестанно отравляемой испарениями тления, и создает колорит всей нашей горемычной, а вместе с тем как-то трагически прекрасной жизни, разумеется, последняя открывается только на мгновение очам веры, а остальная составляет атмосферу 24-х часов в сутки. И сидя в этом пекле, я давно уже перестал коситься на пребывающих вне его или из него стремящихся, а для молодежи, не для нашаливших, а затем удирающих от собственных дел отцов, но для детей — я положительно радуюсь и желаю, чтобы они учились, тем более, что у Вас есть единственная школа для *русской* молодежи, если только, впрочем, тоже для русской. Кстати, все-таки напишите мне (хотя спрашиваю вполне платонически), нашлась ли бы возможность для Феди* в Праге учиться рисованию или музыке, имея какой-нибудь паек или работу; справьтесь у моих друзей, ему сейчас снова угрожает военщина — пока же он жил с нами и служил. Сам я прожил в трудовом и трудном уединении, но очень значительно и важно для себя, так что не думаю, что я потерял сравнительно с тем, кто находится с Вами там. Ваша мысль, еле сказанная, но ранее почувствованная, о монастыре, меня не удивила, но это или рано, или совсем не то. Бесспорно для меня, Вы принадлежите Богу, и никто не может посягнуть на Вас, кольцо ревности божественной Вас окружает, но внешняя форма Вашего иночества еще творчески не найдена, и Вы не можете взять их извне как только формы, да это и не Ваши формы. Учитесь, проходите свой творческий путь, в нем творите себя, конечно, держась за ризу Христову, упорствуя и спеша в сердечных думах о Нем и в молитвах Ему. Мне верится, что я еще встречу Вас в жизни, в важном и решительном.

Впрочем, отнюдь не хочу пророчествовать, но и не хочу выпустить или отпустить Вас от себя, из своего попечения. Христос Вас

* «О. Сергей не терял надежды на приезд своего старшего любимого сына Феди (художника) из Москвы» (ВРХД, № 159. С. 94), «уехать с ним сразу его не пустили, и остался он в Москве вроде «заложника» (С. 104).

благословит и умудрит. Привет сестре Вашей от меня и от моих, так же как и Вам от них. Передайте привет моим московским и симферопольским друзьям, Б-м, И-ым* и др.

Сердечно Ваш, пр. С. Б.

Не забудьте нашего Симферопольского храма, где мы молились с Вашей мамой***.

* * *

11/24.08.1929

...Были мысли об иконах, догматические. Икону нельзя понять вне софиологии, поэтому ее не поняли до конца и защитники, и догмат остается не завершенным. Не то говорят о портретах Христа, которые же невозможны, не то о схемах, а сами не понимают, почему и как возможна икона, а главное, путают икону и религиозную картинку. Если Бог даст жизни и сил, одна из задач моего богословствования — разъяснить смысл иконопочитания, он — софиологический***.

«Образ» только потому возможен, прежде всего, что человеческий образ есть и Образ Божий, Первообраз, ибо человек и сотворен по образу и подобию. Поэтому и Христос воплотился, восприял человеческое естество не как чуждую для Себя и низшую одежду, но как Свое собственное лицо, только абсолютное, ибо не тварное. В Его лике — единство вечного и тварного человечества, софийность.

Обыкновенно же говорят, что изобразим, потому что воплотился, а надо наоборот: воплотился, потому что изобразим — единый Образ. Но до воплощения этот образ был «невидим», ибо принадлежал Божественной области Софии нетварной, и затем, воплотившись, стал явен в Софии Тварной, т. е. воплотившись. Это не значит, что стал человеком, им не бывши, им не бывшим, но показал истинного человека в человеке неистинном, тварно-греховном. И сила иконы — не только Богочеловек, но человекобог, здесь античное человекобожие (статуя) прямо встречается с христианством (иконой). Но это относится к «образу», т. е. естеству, а есть еще Ипостась, которая «не видима» и не вообразима, но она вселяется, вернее, соединяется через *освящение* (которое совсем не введено в дог-

* Бердяевым, Ильиным, устроившимся в то время в Берлине.

** Богослужения в Симферополе были налажены о. Сергием в заброшенной «Единской церкви» (ВРХД. № 159. С. 91–2).

*** В 1930 г. о. Сергей сформулировал эти мысли в кн. «Икона и иконопочитание», которая годом позже вышла в изд-ве YMCA Press: «[Икона] есть свидетельство *софийности* бытия. София есть икона Бога в Боге Самом, и всякая наша икона есть икона Иконы. Поэтому догмат иконопочитания есть существенно софиологический».

матическое определение) и тем устанавливается различие между бездушным портретом и одушевленной иконой (последнее говорить боялись, потому что думали, что так получится идолопоклонство). А кроме того, с тобой и на тебе я с радостью постигал, что преображение, софийную телесность Богочеловека как человека передают не только формы и черты, но и краски, свет и цвет. Символика красок не только символично-орнаментальна, но реальна. Краски суть *свойства* Христова человечества, софийны, они не подбираются по красивости, но зрятся. Краски суть софиословие, следовательно, богословие, суть идеи, жизнь, откровения. Это я отвлеченно понимаю, но этому ты меня научаешь. Ты — богослов настоящий, софийный, — и я о тебе радуюсь, мой друг и товарищ...

* * *

14/27.04.1930. Вос[кресенье]

Посылаю тебе эти мысли, конечно, неразвитые, но выношенные и существенные... Еще к этому надо бы добавить об умном делании, о молитве Иисусовой. Насколько оно связано с нигилистическим аскетизмом, оно отпадает само собой, потому что теперь для нас могло бы сказаться духовным сластолюбием и эгоизмом. О достижениях этой молитвы, в частности, о сведении ума в сердце и самодвижной молитве, не могу судить за отсутствием опыта, и это отсутствие для меня, конечно, компрометирующе греховно, но и обессиливает. Однако не уверен, нужно ли за этим гнаться, потому что все-таки и это есть лишь частный случай, а не единый универсальный путь, и затем не знаешь, сколько здесь духовного и сколько оккультного. Я только что перечитал «Рассказы странника» и нахожусь под их впечатлением, все обдумываю их. Но молитва Иисусова с ее краткостью и простотой и с обращением к Имени Иисусову — это могу свидетельствовать даже по крохам своего опыта — она разогревает душу, и она как-то естественна (так что — сказать ли? — перед Св. Дарами иногда наряду с личными молитвами и ею молишься, а также и пред причащением и после причащения). Этот пробел в моем опыте так обесценивает всю мою «аскетику», что я сам чувствую себя не свое на себя берущим. Но хотелось наметить грани (или главы) христианской жизни не по типу обычной (феофановской) аскетики, хотя она и верна как стадия развития, первые шаги на пути, а также и для монашествующих. Если хочешь, можешь эти листки оставить для себя, не врать...

Благословляю.

Пр. С. Б.

* * *

28.06/11.07.1930 *Royat*

Злость есть всегда грех, сколько бы смягчающих обстоятельств она для себя не имела, а специфическая нервность есть СУДЬБА, т. е. эмпирия, с которой надо считаться и бороться, у каждого своя... Как я писал тебе и всегда говорил, к Богу мы обращены покаянием: блаженны нищие духом. Без покаяния нет богосыновства и истинного дерзновения, и без него — самодовольство и самоутверждение, в котором также нет Бога. Быть может, в самом деле, иметь явные, так сказать греховные грехи для человека спасительнее, чем не иметь их явных, но, конечно, иметь их в глубине. Фарисейство хуже блуда и мытарства. И, в конце концов, грехи не существенны, если есть истинное видение себя в грехе, т. е. покаяние и смирение. Не грехи отлучают человека от Бога, если он кается, но самость. Надо иметь зрелый духовный возраст, чтобы без явных грехов видеть себя во грехе без этих вспомогательных средств, а жгучая боль и стыд греха нас иногда исцеляет от худшего. Покаяние есть елей души, оно дает ей слезы (которых мы не знаем), оно ее смягчит и оно учит нас не судить, и потому снисходить. Оно закрывает нам глаза на грехи других — нашими собственными грехами. Оно есть наша любовь к Господу, Которого мы грехами оскорбляем. Оно дает нам непрестанное сознание тварности своей, которая изничтожается перед Творцом. Можно ли даже стремиться к безгреховности и праведности? Нет, к борьбе с грехами, к очищению сердца от них ради любви к Богу. Также не надо никакой корысти духовной: ни знамений, ни чудес, ни даже спокойствия совести, а надо только любить Господа и в этой любви находить всю опору и награду. Покаяние — сердце наше и для любви к ближнему, потому что смиряющийся любит другого, потому что искренне может чтить его выше себя и потому что видит в нем страдающего сочеловека, создание Божие — Бога любить в человеке и любовь Божию к нам... И не надо искать особых путей духовной жизни, если есть покаяние, потому что оно и есть этот путь. Но покаяние спасительно только тогда, когда оно соединяется с молитвой, с разговором души с Богом. Мы разучились или не научились разговаривать с Богом на молитве, и отчасти причина этому — наши молитвенники, содержащие в себе классические и боговдохновенные молитвы, но и заслоняющие от нас Бога. Поэтому надо отыскивать молитву *от себя*, приучать себя молиться Богу обо всех своих действительных нуждах, т. е. «не как язычники, которые думают, что в многоглаголании будут услышаны» (нечего молиться о готовке обеда, потому что Бог тебе это вверил, надо лишь благословиться, перекреститься и перед этим), но о трудностях, о задачах, о неясностях и о других, — надо

молитвой учиться любви. В конце концов, имеет прикладное значение, где и как молиться: в храме или дома, долго или коротко, лишь бы был этот разговор с Богом и отрыв души, отвод ее из этого мира Богу. Необходимо также Причащение. Господь дал нам Себя, и надо питаться хлебом жизни. Разумеется, необходимо и таинство покаяния, разрешение грехов, смывание от них, но необходимее Святое Причащение, потому что оно уже само учит покаянию.

Эти три: 1) покаяние постоянное 2) живая молитва 3) причащение — суть путь «духовной жизни». Имея это — нечего искать особых путей или руководства, потому что здесь, в этом искании, есть и от лени, и от любопытства, и от суетности. Пошлет Бог благодатную встречу, благодари Бога, нет — живи одна, потому что не одна, но с тобою Отец Небесный, с тобою Христос и Дух Святой.

И ко всему этому еще прибавлю нечто анти-монашеское: надо любить. И не вообще любить, но в частности... Вторая заповедь подобна ей (первой): люби ближнего своего как сам себя. «Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?». И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего (Ин 4: 20–21). Это закон общечеловеческий: любить Бога, любя ближнего своего, и нельзя возлюбить Бога, возненавидев ближнего своего. Чье сердце не открылось любовью и для любви к человеку, оно не открыто и для Бога. Какова бы ни была эта личная любовь: к матери, сестре, другу, жениху, мужу — все равно (т. е. может стать все равно). Важен опыт любви общей, путь любви; любовь вообще, т. е. абстрактная («духовная»), также не есть любовь, как ноты не суть пение. На путь любви общей человек вступает через любовь личную, каковы бы ни были инсинуации о ней. Господь, возлюбивший мир и человека, имел личную любовь к матери, к Иоанну, к Марфе и Марии, к Лазарю — зри! И любовь Предтечи к Другу была личная, так же как и Богоматери к Сыну.

И эти столпники и пустынники, которые бегут человека, они на самом деле или ранее имели этот опыт в своей жизни, обрезали им свое сердце, или же они суть деревянные люди, «типиконики» (выражение матери Екатерины*), или ханжи. Я не то говорю, что навсегда нужно удерживать личную любовь, — напротив, может быть путь восхождения от нее и без нее (и, конечно, таковы именно пустынники и затворники), но нельзя быть евнухом, и евнушество, которое у нас слывет за монашество, не есть и любовь к Богу.

* Мать Екатерина (Ефимовская) — создательница и игуменья Лесненского монастыря в Польше. После революции монастырь нашел себе приют в Сербии в г. Хопово.

И я думаю, что для монашествующих (в миру или в монастыре), также нужна личная любовь и дружба (мать Екатерина и мать Нина*), ибо прав о. Павел, дружба есть церковь. Опять и здесь: могил вместить да вместит восхождение, но восхождение должно быть от чего-нибудь. Сердце пламенеет любовью к Богу вместе с любовью к человеку, оно и одно, и заповеди подобны, т. е. тождественны. Личная любовь есть отверстие духовных чувств. Конечно, я «подразумеваю» (как и вообще слишком многое, так и здесь) всю опасность превращения личной любви в эгоцентрическую, широкий путь к себялюбию, но мне хочется показать, что слепота сердца не есть его мудрость и закон. Отсюда, мне часто кажется, и возникновение этих двойных муже-женских монастырей, которые были и закрыты лишь по соображениям педагогическим. Но интересно не это, что так понятно, но то, как они возникли и что это означало. И если видеть открытыми глазами, то духовно это всегда существовало и не может быть закрыто. Напротив, монашествующим должен быть (и бывает) свойственен *героизм* любви.

...Я писал В. А. Р-вой: это Ваше преимущество, что сердце Ваше уязвлено личной любовью, потому что через это оно открыто для Бога и мира, для страдания и для любви. Любовь самоценна.

* * *

4/17.08.1930

Воскр. Веч.

...Хочу тебе рассказать о впечатлениях... Вчера была Н. Ч. из М [осквы]. Ее рассказы меня так потрясли, что как будто забыл все свое личное... Есть литература... в том числе о. Павла о Параклете (О Духе Св.) — мне ли писать рядом с ним. (Даже и заглавие мое предполагаемое), а потом сказал себе: значит, есть Божия воля — когда я был рядом с ним, он давил меня своей огромностью, а ведь по существу опыт у нас, особенно теперь, различный и подхождение тоже. Как ты думаешь? Мне даже трудно понять, как мог он это теперь писать, но будто бы пишет, и пишет много. Это не сходится с показаниями М. А. В электронике делает открытия и пишет книги, удивляющие...

* * *

Париж, 11/24.08.1930

Воскресение после ранней литургии

...С праздником! Чувствую мир и свет в душе после литургии и воскресения. Только теперь могу ответить на трудные вопросы

* Мать Нина — игуменья Хоповского монастыря после смерти м. Екатерины.

предпоследнего письма. Для медитации, т. е. для молитвенных размышлений, я бы тебе предложил две мысли:

- 1) любовь Божия к миру и к человеку и к тебе самой;
- 2) как нужно жить, чтобы вся жизнь была хождением перед Богом.

Первая есть собственная тема моих молитв, из которых развилась сотница. Надо сознавать, что Господь создал мир и человека и для меня, и обо мне думал, и для меня вел народ Свой, и для меня Сын Божий распинался, и обо мне в Гефсиманском саду молился, и вот эта связь моего личного существования со всеми судьбами мира в любви Божией есть чудо Божьего снисхождения к моему ничтожеству и Божьего смотрения. Эту тему можно разнообразить, конкретизировать, проводя радиус и диаметр из разных точек круга.

Второе же включает рассмотрение жизни своей во всех ее частях и делах. Одно из них имеет прямое отношение к вере — молитва и церковь, другие — косвенно, но не должно быть ничего, что было бы совсем мертво, т. е. не имело так сказать религиозного коэффициента. Можно при этом заглядывать и в будущее, приготавливая себя к отдаванию воле Божией.

Что касается центральной болевой, т. е. самой живой точки в вере, которая более всего приковывает внимание, то и для меня это не столько распятие само по себе, которое есть уже свершение, сколько Гефсиманская ночь, оставленность всеми и Богооставленность, испытание веры, а с другой стороны, «Не рыдай Мене Мати», т. е. убиенность: Христос страждущий от Своего человечества и тем страждущий в человечестве. Из этой точки теперь исходят мои религиозные борения. Но вместе и всегда свет Преображения и Воскресения, который немерцающе светит в христианской душе во тьме. Русь проходит через ночь перед Распятием, муки нравственные сильнее мук телесных, и даже физической смерти. Но без смерти нет воскресения. В России совершается воскресение Христа в Своем человечестве из *мертвых*.

Затем ты совопросничаешь, например, о магометанах. Конечно, до Бога доходит всякая искренняя к Нему молитва, хотя есть разница между христианской молитвой ко Христу и магометанской к Аллаху; небо дальше там. В Деяниях Апостолов смотри обращение Корнилия, гл. 10. Думаю, что сюда же относятся искренние и честные коммунисты, которые соблазняются безбожным человеческим добром, и не ищут своего, но зачем спрашивать об этом? Конечно, они являются укором для нашей теплосходности и себялюбия, но в них есть ведь и ложные вдохновения сатанинские, — когда бес был Христом изгнан, то бесноватый лежал как мертвый после своих прежних исступлений. Быт. 3–22 имеет смысл онтологи-

ческий: Бог не дает человеку окончательного мироутверждения, чего хочет сатана: миробожия и бессмертия и увековечивания этого состояния. Трагизм смерти и вообще внерайского бытия своей неустойчивостью и дисгармониями говорит человеку о небе, об его небесном жилище. Я не помню... но и теперь моя молитва почему-то горячее о неведающих Господа по ослеплению, по лишенности своей — дети не крещенные и воспитанные без веры...

Вчера получил еще твое письмо, вольно-поэтическое. Да, сейчас нельзя молиться, не думая о них, и не молясь за них (вместо них). Ведь Господь не отвергает, как дерзость, это «вместо», тем более, что мы все связаны единством вины. Есть гордость фарисейская, избранных из избранного народа, и есть любовь ап. Павла, который бы хотел быть отлученным. Бог и любовь к Нему — превыше всего человеческого — первая заповедь, но вторая заповедь — любви ближнего — дает какой-то обертон: не могу молить о своем спасении без них. Если бы наша молитва была пламенна, мы в ней находили бы ответ о смысле происходящего. Боже, спаси русский народ!

* * *

9/22.04.1931, среда

St. Luke's Vicarage Tavistock Road W II

...Когда я пишу эти строки, думаю, что Н. А.* уже нет в живых и может быть именно сегодня его предадут земле. Да упокоит Господь его мятущуюся душу, которую Он взыскал Своею милостью и благодатью и дал ему поистине христианскую кончину. В последнем твоём письме изображается уже агония — когда еще умирает тело, а земная жизнь души уже прекратилась, и происходит таинственный и страшный процесс разлучения души с телом. Господь судил, чтобы меня не было в эти дни и часы... Господь судил, что и последнее расставание совершается в мое отсутствие. В моем сердце, конечно, больно отозвался твой стон в последнем письме, что если бы я был здесь, все было бы иначе. Но я никогда не предполагал, и никак бы не мог приехать даже в четверг... когда все равно уже поздно. Вижу в этом и суд Божий над собой: я слишком много, а главное, страстно судил его при жизни, и тем грешил против него, и, конечно, против себя. Я считаю за особую милость Божию, что он допустил мне совершить над ним таинство елеосвящения (и этот елей от меня вы, надеюсь, влили в гроб как мое напутствие). А если и нет, то это было наше церковное примирение, которое завершилось любовно-христианским отношением в последние дни.

* Николай Александрович, отец Ю. Н. Рейтлингер, сын ген. Рейтлингера. О его смерти см. *Автобиографию* Ю. Н. Рейтлингер, *op. cit.* С. 95.

Уезжая, как ты помнишь, я попросил у него прощения и расстался с ним примиренный этим. Но, конечно, нам недоступны судьбины Божии. (Мне, по грехам моим, не дано было быть при кончине папы и мамы). Мне даже трудно было бы самому его погребать, потому что я слишком близко связан со всеми вами, а близкие только в случае исключительной необходимости сами совершают отпевание. Конечно, это слабое утешение. Да укрепит и утешит вас обоих Господь в эти торжественные дни. Верю, что последние дни его были озарены таким нездешним светом по молитвам Л. Н.* и отшедших чад ее**, но и твоим подвигом и молитвами, как и сам он это чувствовал... Ты можешь расстаться с ним в этой жизни с чувством исполненного долга. А все неизбежные между людьми трения должны быть отнесены на счет человеческой немощи... Странники на этой земле ищут пути обычно, кружась в разных противоположных направлениях, до тех пор, пока не дано им едино на потребу, которое так близко и просто. Твой папа метался в жизни в разные стороны, но неутомно искал и жил, и ему было дано. Господь милосердный да упокоит его душу и нас помилует...

* * *

5/18.08.1931

*High-Leigh****

...Тебе нужно бодрости, смелости, жизнерадостности вопреки всем судьбам. Не надо допускать ни духа уныния, ни духа слабости, ни духа истеричности, хотя бы физически она даже и была в издержках производства. Постарайся также восстановить дух молитвы и богомыслия, чтобы чувствовать и знать сердцем, что есть Бог над нами и, стало быть, и в нас и с нами, и мы — дети Его.

* * *

22.08.1931

London. Умро

Сижу в Лондоне проездом и хочу поделиться своими впечатлениями, пока не остыли. Мне тяжело даются такие большие международные съезды. Во-первых, из-за языка. Я скован, и чтобы что-нибудь сказать — мне надо написать и читать по бумажке, что, конечно, не может не утомлять и не раздражать. Во-вторых, моя застенчивость, которая становится прямо мучительной, я совсем так, как

* Лидия Николаевна, жена.

** Две дочери Л. Н. Рейтлингер умерли от сыпного тифа в 1919 г. в Крыму.

*** High-Leigh — место, где с начала 30-х гг. ежегодно проходили конференции-встречи между англичанами и православными.

Сереза*, и принимаю как милость, что мне дают слово, которого я прошу раз-два (на этой конференции всего один раз). В-третьих, личное, что всегда гложет душу, особенно среди хороших, но детей, ищущих как бы им посмеяться и с восторгом ржущих о всякой глупости. В-четвертых, мне неизменно приходится юродствовать за православие, не только своим личным видом, но и исповедничеством, опять о Богоматери, особенно ввиду равнодушия, малодушия и вообще паршивости православных, которые всячески приспособляются. И в-пятых — и это самое главное — ввиду какого-то безнадежного, глухого одиночества: здесь в религиозном смысле детский сад, такая элементарщина, — в протестантизме и православии, по тебе известному состоянию, что я со своими подлинными идеями, за которые ты говоришь о моем пророческом служении и которое я сам так в себе сознаю, оказался каким-то жалким недоразумением с претензиями, а то и просто провинциальным ничтожеством. Никто не поддерживает, не понимает, не интересуется. И получается «*contradictio in adje*»: пророк-трус, пророк без голоса, пророк-ничтожество... Конечно, в этом есть судьба всякого, кто стоит над своим временем, но ведь это же бывает и при маниловской мечтательности. И есть такое чувство, что только в глубинах Православия (конечно, не казенного), среди русских, да и то только нескольких человек, есть язык, есть понимание, есть этот огонь. Какая жуткая наша единственность и бессилие... несомое историческим ветром. И в конце концов, пусть бездарны мы, но то, что нам открывается в видениях — это о Боге и от Бога... А пока что показываю кукиш в кармане и слоняюсь по конференции, робко, застенчиво, пытаюсь заговорить то с тем, то с другим. Правда, этого чувства у меня совсем не бывало на англо-русских конференциях, где я занимаю место в первых рядах, а не в этом пестром сборище. И даже спрашиваю себя: нужно ли мне, старому, таскаться? Может быть, уже пора и перестать. Но некем смениться, а может быть, как старой актрисе, и не хочется сменяться и сходить со сцены. Однако, с др<угой> стороны, надо держать связь, потому что это символически (да, конечно, и совершенно реально, потому что действительно видишься с людьми из разных мест, всех узнаешь, получается все же вселенский опыт). Все-таки не уверен, поеду ли в будущем году (можно ли вообще загадывать?), потому что съезд будет уже не три дня, а неделю, в Германии, и, по-видимому, без особенно значительных тем. А Всемирная конференция сама в 1937 (!!!) и ведь это к ней мы готовимся. Одним словом, на лексике одной из привычных пословиц детства: пророк

* Сереза — Сергей Сергеевич Булгаков, младший сын о. Сергия, род. в 1911 г.

на печи промок. А вместе с тем тянет к тишине, к сосредоточению, к работе на свою тему; надо кончать, подводить итоги, договаривать, хотя и... в бутылку. Это «в бутылку», может быть, есть утешение — малодушие. Я уже не раз видал случаи, когда многолетние труды просто погибали, как никому не нужные. Правда, они не притязали на «пророчество», но бывали умны, даровиты и честны, а не мое дилетантство. И о. Павел работает и работает (я думаю) в бутылку. Но с другой стороны, что же мне остается в жизни другого на остаток жизни, если Господь не укажет другого пути... Однако ничто великое не делается без риска... У меня странно непосредовательно соединяется этот «пророчественный» максимализм и практически-аскетический минимум (академия, конференции и проч.). Правильно ли это, не есть ли это просто малодушие, слабость, карьеризм? Так себя иногда невольно спрашиваешь.

Вот мой эгоизм: о себе расписался, а тебе ничего не ответил. Но это не от эгоизма. Хочется тебе ответить о твоём в тишине, из Парижа, хотя отчасти это есть уже ответ.

Благословляю.

* * *

25.08.35

...Пишу тебе накануне отъезда в Париж и праздника Успения. Как люблю я этот праздник и не только «софиологически» и «мариологически», но и нутром, с детства. Я был рожден и крещен под сенью храма пр. Сергия, где был главный придел Успения (наоборот, чем у нас), и этот праздник, как Пасха с весной, соединен в моей памяти с осенью, с холодеющими вечерами, астрами и резедой, всей поэзией ранней осени. И теперь он поет и плачет в осенней душе.

Я хорошо отдохнул (и поработал тоже немало) и пока здесь чувствую себя здоровым... Природа, среди которой я живу, — тихая, скромная, ничем не выдающаяся. Зато есть поля, елочки, речка. Может быть, более могучей природы я сейчас не был бы способен переносить, а это принимаю с тихой благодарностью и смирением.

о. С.

* * *

(на пароходе)

о. «Европа»

24.09.1936. Утро

...Пишу тебе из царства Софии. Иначе я не могу определить то невыразимое словом чувство безграничного небесного свода и воды, и безмерного океана с его стальной и голубящейся грудью, причем то там, то здесь всплывает золото от солнца.

Прежде я обладал бесстыдством слова, чтобы пытаться это описать и выразить. Теперь молчат мои уста, но расширяется сердце. Я совершенно теряю при этом сознание своей старости и изношенности, забываю скорби и чувствую себя мальчиком, каким мне полагается быть по метафизическому возрасту, и блаженствую...

Здесь можно почти уединяться, забравшись на верхнюю палубу... Слава Господу, творящему чудеса Свои!.. Сегодня на короткое время за парходом появилась радуга, и притом двойная. Радуга — знамение Софии, почему Господь после потопа установил радугу в знамение, что потопа больше не будет, и мировой порядок навсегда останется нерушимым. София тварная, отражающая Софию небесную. Отсюда и символизм красок в Купине неопалимой.

* * *

7/20.03.1940

...Сегодня годовщина моей первой операции, и я нахожусь в мистическом оттого головокружении. Служил вчера и сегодня (часы и литургии преждеосвященных даров). Снова переживаю это чудо, как коснулась меня рука Божия, и хочется сохранить на себе это ее касание — чувствую это как задачу жизни и больше всего страшусь утратить или разменять это чувство. Но уповаю, что Господь меня не оставил, и еще раз с новой и новой силой чувствую, как бедна и пуста и — скажу даже — жалка была бы моя жизнь в ее стареющем самодовольстве, если бы Господь милосердный не коснулся меня в эти дни...

* * *

б. д.

предполож., — Париж, 1940

...Не удивляйся, если ВСЕГДА у меня было то же чувство: Страстная седмица есть наша жизнь, а Пасха — мгновение и обетованье, на которое меня, по крайней мере, греховно не хватает. Или ты думаешь на самом деле, что легко дается радость пасхальная! Да не будет! Самый же торжественный миг церковного года есть сия преблагословенная суббота, когда да молчит всякая плоть человеческая...

* * *

б. д.

...За гранью смерти следует откровение загробной жизни как начало нового бытия, о нем не говорит нам непосредственный человеческий опыт.

Умирание само по себе не знает откровения о загробной жизни и о воскресении. Оно есть ночь дня, сам первородный грех. Можно

забывать о смерти, отворачиваясь от нее, и, конечно, не следует наполнять жизнь одним лишь предчувствием смерти. Однако и забыванием о ней нельзя уйти от него — оно приходит рано или поздно ко всякому человеку, и это вопрос только времени.

* * *

б. д.

предполож., 40-е гг., Париж

...Сегодня пишу из глубины святейшего дня Тайной Вечери любви Господней к грешному человеку и ответной любви нашей к Нему, Его любви к 12-ти избранным ученикам на «странствия Владычня бессмертных трапезе», в свете всего, что там происходило, сказанного и несказанного, между всеми и Петром, и нарочито двумя избранными: Иоанном и Иудой, апостолом любви и апостолом жертвенного отвержения и... самоотвержения. Неизменно горит мое сердце о сей тайне: «не двенадцать ли я вас избрал, но один из вас диавол» и «что делаешь, делай скорей».

Тайна Иуды, которая закрыта особой к нему непримиримостью апостола любви. И изнемогает душа от любви и радости ее...

* * *

б. д., карандашом

предполож. — 1943, Париж

Я периодически снова (вот и сегодня ночью) возвращаюсь мыслью о жертвенности твоей жизни для нас, и особенно потому, что все нагляднее чувствую свое истощание. Думаю и о твоей жизни после и без меня, но предаю ее Богу в каком-то покое: м. б., это просто эгоизм мой, но и глубокая вера в тебя и почитание творческого твоего пути. У тебя есть молитвенники, иконы и Катя, и Господь лишь знает долготу дней твоих. К тому же я угас прежде своего конца для тебя, и, м. б., это облегчит и сделает естественным конец... Что же касается жестокости и как будто бессмысленности твоей жертвы нам, то разве может быть иною жертва, лишь бы дал Бог сил ее нести. Но у меня остается твердое сознание, что в этом есть воля Божия, и вместе и искупительность нашей судьбы, ее оправдание. Никаких советов и заветов не умею тебе сделать, но безгранично тебе *верю*.

Не откладывая, если можешь, беседы с Е. Н.* о моей обложке, она все усвоила в полной точности, что сказал типографщик, работа с матрицами на полном ходу, и лучше скорее сдать виньетку.

Житие муч. Б [ландин] ы я не помню по тексту, но ясно, как оно трогательно, и в этом его трудность для литературного изложения.

* Елена Николаевна Осоргина.

Дейша* с ним просто литературно не справилась, или пожалела того труда и времени, которого бы от нее потребовалось от ее *литературного* замысла об этом. Валя** почти наверно откажется, п. ч. это ей мало конгениально, однако она справилась бы, если бы согласилась (увлечена своим). Она сделала бы проще. Я просто не могу сам такую работу ни поставить себе, ни разрешить. Все, что я могу сделать и готов, это элементарно исправить стиль и попробовать внести что-то оживляющее. Но из-за этого придется переменить порядок страниц и распределение рисунков, — может так выйти, хотя оно еще не найдено: стоит ли игра свеч? Могут помочь даже абзацы, которые отсутствуют.

М. б., для этой работы годился бы Б. Зайцев, несмотря на слащавость, но согласится ли, и затем нужно платить. Он нуждается. Если бы он согласился, или ты на него [подействовала], то я думал бы посоветоваться о плате с о. Вас.***, п. ч. м. б. у него найдется такой источник.

В рисунках меня не удовлетворяет неясность фигур: не отличить черепов мертвых тел от живых фигур, лежащих на камнях, от самих камней. И затем надо переменить распределение, соотношение с текстом****. Начнем с Вали.

* * *

Ко дню преп. Сергия, 1943

ХРИСТОС ВОСКРЕСШИЙ (Христос с розами)

«Сияние Его яко свет будет, *рози*
в руках Его: и положи любовь
державну крепости Своей»

(Из 4-й Песни Псалтири)

Сегодня ночью, томясь в бессоннице, я вдруг был осенен вдохновением восторга перед иконой, которую в суете дня не успел пережить. Икона эта есть одно из твоих иконных для меня откровений и вдохновений, которая свидетельствует, что все это живо

* Дейша Елена Альбертовна (1885—1977), прозаик под псевдонимом Георгий Песков.

** Валентина Александровна Зандер, автор кн. о преп. Серафиме Саровском (на франц. и нем. яз.).

*** О. Василий Зеньковский (рукоположен в 1942).

**** Текст в итоге был составлен французской писательницей, другом Ю. Н., но книга так и не вышла. Рисунки хранятся в архиве Н. А. Струве.

и действительно в тебе вопреки всей давящей прозе жизни и этой сатанинской войне. Она воскресила во мне прежние восторги, и я счастлив поделиться с тобой об этом (кто знает, м. б. последний раз в жизни, — и это тоже подумалось, но это не важно, здесь нет ни первых, ни последних, но вечно). О. Вас. у меня что-то спросил про эту икону, мне показалось, естественно недоумевающе, да так-о и будет общее к ней отношение (если только не хуже). У м. Ф.* это было ясновидение этого стиха канона, а у тебя — ясновидение, запечатлевшее твое *видение*, и нынче ночью мое созерцание.

Что это и почему Господь с розами (в Библии и в Евангелии нет роз, а есть — лишь ароматы, миро, благоухание, которым Господь бывал помазан при жизни женою грешницей и на погребении). Я здесь приравниваю розы этому благовонию, облеченному в красоту. Роза есть символ софийности мира, созданного «добро зело» и облеченного в красоту и благоухание. Розы приносятся на брак, на торжество человеческой радости, но они же сами собою приносятся и на погребение, чтобы увянуть и умереть вместе с телом. И они же сами приходят и на праздничные иконы, и в алтарь в пасхальную ночь (на трикирию), живые и пасхальные.

Поэтому хочется думать — не археологически, но софийно, что и на погребение Спасителя были розы, розы мира, земли. И нельзя думать, что они остались, увядшие и мертвые, в пустой гробнице после Воскресения, но воскресли с Ним, «нетленные розы», залог преобразования и воскресения мира. Господь являлся с розами. Его терновый венец у тебя — обессиленный, как воспоминание, а розы цветут и благоухают. Обычная икона Воскресшего запечатлевает «язвы гвоздиные», устанавливая тожество и непрерывность тела умершего и воскресающего, здесь же это дается иначе, чрез розы. Кому же было это видение? Не Фоме маловерному и испытующему, не Петру и даже не Иоанну, при всей его близости к Богородице (хотя он избран — поведать о явлении в вертограде Марии Магдалины), но именно женской душе и женственной любви. Всякая человеческая душа в отношении к Христу женственна, как и вся Церковь. Но женская душа женственна по преимуществу, и ей принадлежит это видение нарочито. Она есть Невеста Агнца и жена, приготовившая себя на брак Агнца (это все основные образы и Апокалипсиса). И эта невеста устами мученицы говорит: «тебе, жених мой, люблю». По Евангелию это есть, прежде всего, Мария Магдалина с трепетным зовом и откликом: «Мария! — Раввунни!»,

* Мать Феодосия Соломянц (1903–1992) — была одной из четырех свидетельниц «преобразования» о. Сергия. См. ее записи в № 101/102 и 170 Вестника.

и она бросилась к ногам, чтобы объять их. И она приняла Его за «вертоградяря», с нетленными розами, это и было в вертограде. Мыслятся, что с нею и за нею идут и другие жены-мироносицы, которые с вечера «зряша, где Его полагаху», и утром пришли с ароматами, в образ софийной, поэтической любви.

Но мысль восходит и выше, путем таинственного, богородичного молчания. Это молчание говорит со всею бесспорной ясностью (таково и Предание), что Христос *первой* явился Невесте Невестной, Деве Марии, личной Церкви Его. И вот я сегодня ночью понял (хочется сказать — увидел), что Христос с розами есть явление Его Богоматери, самой Софии в тварном Ее Лике. Именно *таково* и было это явление: Голгофа, и терновый венец, и раны и смерть, — все это было пережито Богоматерью и потонуло в Ее скорби, но было и преодолено вместе с Нею, осталось лишь: «се Жених грядет в полунощи», чаяние Жениха небесного, с розами.

Поэтому я считаю, что это не есть образ Апокалипсиса (там другое, хотя о «Невесте Агнца» сказано именно там), это есть пасхальное видение: «воскресение Христово видевшие». Но оно, конечно, предполагается и включается в *последние* образы Апокалипсиса.

Если бы я имел художественный дар, я пропел бы это в слове, за отсутствием его говорю деревянным языком, тебе же дано было — худо ли, хорошо — это даже не важно, п. ч. всякий образ здесь несовершенен, — узреть и явить это видение.

Два письма матери Марии отцу Сергию Булгакову

Мать Марию (1891–1945) и о. Сергия Булгакова (1871–1944) связывали в эмиграции большая дружба и деятельное сотрудничество: участие в съездах РСХД¹, в собраниях Религиозно-философской академии², в «Православном Деле». «Руководитель, друг, отец...» — писала мать Мария в стихотворении, посвященном о. Сергию:

Когда вернусь, куда? Бог весть.
О, многолюдная трущоба.
Лишь здесь, где горечь, боль и злоба,
Мне надо знать — ты в мире есть...

Отец Сергей часто служил в церкви на улице Лурмель, основанной м. Марией при общежитии для русских эмигрантов, для